

# ЛОВЕЦ МУРАВЬЕДОВ И ПИОНЕРОК



«Всюду жизнь». Фарфоровый проект Гриши Брускина. Музей личных коллекций (филиал ГМИИ имени А.С. Пушкина)

Сергей СОЛОВЬЕВ

Вот, может, — 2001. — Совет. — с. 55

Может, она где-то и есть, эта самая жизнь, но только не здесь. Здесь нет никакой жизни. Вопреки заявлениям Брускина насчет «пищи духовной» нет даже намека на что-нибудь теплое и сытное — еду, питье или любовные отношения. И самое удивительное, что все это в порядке вещей.

Такие вещи по порядку устанавливались в сервантах 30-70-х годов. На старых родительских полках вырастали подобия римских ларов (домашних алтарей). Только вместо божков и имперских бюстов стояли никогда не испол-

зовавшиеся старорежимные блюда или фигурки Улановой с приподнятой ножкой. Иногда Уланову заменяли зайчики, слоны и олениа. Все думали, что это хранилось «для красоты», на самом деле это было для вечности. Наверно, то были кладбища мещанства.

Примерно такой же советский алтарь в трех залах Пушкинского развернул Гриша Брускин, усугубив впечатления литературными комментариями Льва Рубинштейна. Ради этого трудился целый фарфоровый завод в Дулеве. Разные части коллекции названы по-детски нравоучительно: «Рождение героя», «Азбука», «Азбучные истины»,

«Букварь». Но как только зритель попадает на школьный крючок (росписи похожи на агитрисунки 50-х), он проваливается еще дальше в пионерские страхи и комплексы. Идет, например, вдоль ряда расписных тарелок с «Алфавитом», подходит к тарелке с буквой «Т» — а там подпись: «Танки движутся на гусеницах». На самой же посудине изгибно нарисован муравьед без задних лап. Один советский сон никак не сходится с другим. На самой первой тарелке из «Букваря» изображен мальчик-зайчик, а по каемке: «Володя Волошенко врал». Тарелку рядом украшает грибок, обрамленный подписью:

«Я очень боялся умереть во сне».

В конце экспозиции как апофеоз культурной археологии выступают стройные ряды статуэток «Всюду жизнь» — герои советских мифов (каждая по 20 — 22 см): пионер, рабочий, врач, больной, заключенный, военный.

Сенсационный успех Гриши Брускина на «Сотбисе» в 1989 году, когда его картина «Фундаментальный лексикон» продана за сумму, которую ни один российский мастер в руках не держал, все сочли еще одним прорывом соцарта. Мол, Запад падок на советский кич, а Брускин его активно эксплуатирует. Плюс ко всему Григорий Давидович запутывал своими рефлексиями: «Когда-то, живя в коммунистической России, я начал составлять подобные коллекции. Мне казалось, что коммунизм в России непоколебим, что армия неимоверно сильна, КГБ — повсюду, а советская власть, как власть египетских фараонов, продлится несколько тысяч лет. Мне хотелось взглянуть на мифологическое пространство, в котором я обитал, со стороны, встать на позицию ученого, который неожиданно обнаружил доселе неизвестное африканское племя».

В принципе коммунизм и Союз здесь ни при чем. Иначе манипуляции с советским фарфором остались бы только остротой из перестроечных времен. Брускин, как Ловец снов у Павича, опускается на уровень ниже и заходит в платоновскую пещеру мертвых. Откуда-то сверху светит солнце, а перед глазами маячат тени идей; как у Набокова в эпиграфе к «Дару»: «А — первая буква алфавита. Дуб — дерево. Роза — цветок. Олень — животное. Воробей — птица. Россия — наше отечество. Смерть — неизбежна». ■

